

Александр Рожков

Дьявольщина

Александр Рожков

Дьявольщина

«Издательские решения»

2015

Рожков А. А.

Дьявольщина / А. А. Рожков — «Издательские решения», 2015

Цикл «Дьявольщина» – книга не для слабонервных людей, которые бояться собственной тени. На страницах этой книги поселился ужас, страх, боль. Здесь оживают те, кого мы боялись в детстве; те – кто прячется по ночам в скрипе половиц и тяжелых вздохах. Приятно прочтения всем и помните – по ночам мы следим за вами. А вы спите... спите.

© Рожков А. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Начало	6
Бармен, сто грамм	8
В деревне	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дьявольщина

Александр Андреевич Рожков

© Александр Андреевич Рожков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Начало

До сегодняшнего дня вы знали о четкой грани, между сказкой и реальностью. Может, довольно тонкой, но все же грани. Но мы реальность и задумайтесь на секунду: если есть мы, то, что еще может прятаться во тьме. Вы больше никогда не будете спокойно спать по ночам зная... что мы рядом.

Детский крик прорезал ночь. Ворвался в сон и порвал его в клочья своей историчностью и невыносимым страхом. Не успев полностью проснуться, Сергей распахнул глаза. Свалился с постели. Выбираясь из комнаты, ударился о дверной косяк. Детский крик не стихал, с новой силой врезаясь в мозг. Камнев распахнул дверь плечом. Ворвался в комнату и бросился к сыну.

На кровати сидел пятилетний мальчик: с распахнутыми от ужаса глазами, взъерошенными ото сна волосами, в пижаме с машинками. Его взгляд был устремлен на стену с постером, на котором гоночный автомобиль пересекает финишную черту. Камнев схватил сына на руки и бросился с ним в ванну. Там включил воду и начал быстро отирать лицо ребенка. Мальчик кричал, уставившись перед собой, было видно, что он находится в другой реальности, где сон все еще имеет над ним страшную власть.

– Коля! Проснись! Проснись, сынок! – мужчина судорожно тер лицо малыша холодной водой, другой рукой потрясывая хрупкое тельце.

Крик прекратился также резко, как и начался, но за своим причитанием Сергей не сразу услышал это. Он продолжал умывать Колю холодной водой, пока тот не начал отталкивать его руку.

– Папа! – возмутился младший Камнев.

– Коля? – удивлено застыл Сергей, с занесенной рукой.

Вода быстро вытекала из ладони, образуя на полу лужу. В раковину была сильная струя воды. Мужчина несколько секунд изучал лицо сына, потом облегченно вздохнул и тяжело опустился на край ванны. Крепко прижал к себе ребенка.

– Ты проснулся, – устало прошептал он.

Малыш потрогал отца на небритой щеке, спросил осторожно:

– Я кричал?

Камнев немного отстранился, кивнул. Ополоснул руку под краном и провел по своему лицу. Выключил воду и в наступившей тишине взглянул на Николая. Мальчик смотрел на него не по-детски взрослыми глазами.

– Он опять приходил ко мне, – прервал тягостное молчание ребенок. Бросил взгляд в темный коридор и судорожно сглотнул.

– Кто? – не понял Камнев. – Кто к тебе приходил?

– Он, – повторил Коля и указал пальцем на черный зев коридора.

Света сжалась в комок и боялась пошевелиться. В углу было тесно, неудобно, в пятку впилося что-то мелкое, но девушка готова была просидеть в такой позе до самого утра. Крепко зажмурив глаза, она повторяла дрожащими губами молитву, которой ее научила бабушка: «Отче наш, Иже еси на небесех...». Вновь и вновь она проговаривала ее, чувствуя, как ледяной страх понемногу отпускает. Она сидела, обхватив колени и уперев в них лицо. Ласточкина боялась открыть глаза. Она чувствовала, что рядом с ней кто-то стоит, чувствовала, как ее рассматривают. По ноге скользнуло что-то холодной и Света судорожно отдернула ее, сильнее сжавшись.

– Уходи! – истерично закричала она. В ответ раздался смешок: противный, с издевкой, от которого мурашки пробежали по всему телу. – Отче наш, Иже еси на небесах! – громко начала читать девушка, пытаясь заглушить смех.

Холодное прикосновение проскользило по щеке, тронуло дрожащие губы и коснулось век. Ласточкина почувствовала, что глазные яблоки застыли, и она не может пошевелить ими. Смех раздался над самым ухом, заставляя девушку дернуться в сторону и закричать еще сильнее:

– Уходи! – но это только вызвало новую порцию издевательского смеха.

– Све-е-ета, – раздался протяжный голос. – Я тебя съем.

Сегодня вечером Димка был дома один, так как родители отправились в гости и до сих пор не пришли. Поэтому подросток вытащил кассету, которую отец прятал у себя глубоко в шкафу, вальяжно устроился на постели и включил телевизор.

Несколько минут спустя Дима издал приглушенный протяженный стон и облегченно откинулся на подушки. Грудь тяжело вздымалась, глаза были закрыты в истоме, вздыбленное небольшим холмом одеяло медленно опускалось. Парень нащупал рукой пульт от телевизора и нажал кнопку питания. Чернота захватила экран, убрав с него порно-сцены и погрузив небольшую комнату в темноту, которую слегка разбавлял свет из окна, за которым светила большая луна. Некоторое время парень в блаженстве лежал, вспоминая будоражащие молодой мозг сцены, с сожалением поднялся, вытащил кассету из магнитофона и вернул ее на место в шкаф. После этого он направился в ванну.

Непонятный шум вывел Дмитрия из собственных мыслей. Подросток недоуменно выключил воду и прислушался, однако в квартире было тихо. Он вновь включил воду и несколько секунд спустя сквозь шум душа, прорвался отчетливый дверной скрип и что-то похожее на негромкий смех. Парень резко выключил воду, распахнул штору и уставился на дверь. Та была приоткрыта, хотя Димка точно помнил, как закрыл ее на шпингалет, который сейчас безвольно болтался на одном шурупе. За дверью послышались шаги, и что-то мелькнуло в темном проеме.

– Мам? Пап? – неуверенно позвал Дима.

В ответ раздался ехидный смешок, и что-то ударилось в дверь. Парень вздрогнул и запахнул штору. Вжался в угол душевой, испугано глядя в полупрозрачную завесу. Димка чувствовал, как быстро колотится сердце, а руки мелко дрожат, но после удара в дверь повисла тишина. Несколько минут подросток прислушивался к звукам в пустой квартире, но только стук собственного сердца нарушал ночной покой.

Парень устало закрыл глаза и облегченно выдохнул. Скрип открываемой двери резанул по ушам и в мозг ворвался ехидный смешок. Дмитрий распахнул глаза. Ледяной страх сковал его, из глаз потекли слезы, когда за полупрозрачной занавесью начала вырастать темная массивная лохматая фигура с пронзительно желтыми глазами.

Думаете, вы все знаете о нашем мире? Знаете, что и кто в нем живет?.. Вы ошибаетесь. Мы всегда рядом с вами... в скрипе половиц... в шуршании штор... в тенях на стене. Каждую ночь мы проводим рядом с Вами, и стоит вам только закрыть глаза, как мы выходим из своих укрытий и приближаемся к вам. Протягиваем свои руки. Вы чувствуете наше холодное прикосновение. Но не открываете глаза... иначе увидите НАС.

Бармен, сто грамм

– Я бы на вашем месте этого не делал.

– Да, а что будет? – хищно поинтересовался бугай.

Илья нервно сглотнул, поглядывая на перекатывающиеся под футболкой, мышцы.

– Плохо будет, – произнес он неуверенно.

Несколько человек улыбнулось, а парню показалось, что это гиены оскалились.

– А мы рискнем, – бугай хрустнул котьяшками пальцев и сделал шаг к Севастопольскому.

Илья отскочил и уперся в барную стойку спиной. Он понимал, что сейчас его будут бить: сильно, страшно, может даже с увечьями. Ему ничего не оставалось.

– Последнюю просьбу можно? – умоляюще взглянул он на мужиков.

Лысый улыбнулся, согласно кивнул.

– Последнюю? – посмотрел на остальных. – Последнюю, можно.

Илья обернулся к застывшему парню за стойкой, голос прозвучал обреченно.

– Бармен, сто грамм.

Севастопольский Илья с рождения был хилым ребенком. Еще в детстве ему поставили диагноз – слабый мышечный тонус. Маленький Илюша смог пойти только в год с небольшим, но до двух лет ему нужна была поддержка, чтобы на что-то опираться при ходьбе, иначе он начинал заваливаться и падал.

Сколько врачи не старались поднять его на ноги: физиотерапия, массаж, электрофорез и прочие необходимые процедуры, но Илья оставался таким же чахлым ребенком. Нина Васильевна – мама, каждый день занималась с ним специальной гимнастикой, растирала его ножки и ручки всевозможными кремами. Во многом благодаря такой заботе Илья смог пойти в детский сад в четыре года.

Да, он мог двигаться самостоятельно, но было видно с каким трудом, порой даются ему движения, особенно если мальчик начинал нервничать. Движения становились резкими, угловатыми, рванными, нередко Илья терял равновесие. К тому же не смотря на физическую «нормальность» Севастопольский был очень худым, из-за чего заработал очередной диагноз – дистрофия.

Все это сильно сказалось на его психике. Мальчик был тихим, замкнутым в себе, но легко возбудимым. Из любой «мухи» он мог создать такого «слона», что тот не умещался в детской головке и начинал выбираться наружу, нервными беспокойствами, стрессами, страхами.

Конечно, такого ребенка надо бы держать дома, под непрестанной опекой, но жизнь сложилась так, что кроме родителей у Ильи никого не было. До трех с половиной лет он жил под материнским крылом, но судьбы было угодно, чтобы отец и муж – единственный кормилец в семье погиб под колесами автомобиля, владелец которого не справился с управлением на заснеженной дороге. Погоревав, Нина Васильевна приняла решение отправить Илюшу в детский сад, а сама устроилась на работу.

Для любого ребенка первый день в детском саду испытание, тем более для такого как Илья. Дети быстро понимают, кто на что способен и с кем стоит дружить, а кого можно и подавить своим маленьким, но уже появившимся авторитетом.

Ужасом для хрупкого мальчика стал Васька Хлопушкин: высокий крепыш, которому на вид было лет семь, а поставленный удар тянул на десятилетнего.

Оставив мальчика на попечение воспитателя, Нина Васильевна устремилась на работу, а Елена Георгиевна, взяв Севастопольского за руку, отвела в первую группу.

– Дети, познакомьтесь, это наш новый воспитанник – Илья, – представила она паренька остальным. С этого момента для ребенка началась новая жизнь, которая оказала сильное влияние на всю его дальнейшую судьбу.

Дети быстро понимают, кого стоит бояться, а кого можно записать в «слабаки». К сожалению, Илья относился ко второй группе. Нет, его не били, особо не обижали, но Севастопольский был последним, кому доставались игрушки, на тихом часе он спал возле батареи: летом там было жарко, а зимой из-под подоконника дуло холодом. У него могли отобрать игрушку, или выгнать из песочницы, только потому что он мешал.

Илья не возражал, не шумел, как другие воспитанники, не дрался только потому что у него забрали лопатку или машинку. Он безропотно отдавал, сносил тычки и уходил, замыкаясь в себе еще сильнее. Илья понимал, что он никогда не сможет дать сдачи, возразить или, что совсем невероятно, отобрать игрушку у другого ребенка. В реальной жизни не может, но изоляция, в которую погружали его дети, заставила Севастопольского научиться мечтать и фантазировать.

Детский разум представлял себе, что он супергерой, которого бояться плохие дети. Илья, как никто другой хотел скорее встать взрослым, тогда он сможет делать все, что захочет и никто не сможет у него отнять игрушку или пихнуть.

Прошло несколько лет. Как и хотел хрупкий паренек, он повзрослел и уже смотрел на детсадовских детей с высока своих девяти лет. Однако вырос не только он, но и группа, с которой когда-то ходил в одну песочницу.

С некоторыми из них Илья теперь учится в третьем классе и вроде бы все идет хорошо: детские обиды забыты, игрушки никому не нужны, да и делить песочницу ни кому не надо. И все же в бочке с медом оказалась огромная ложка дегтя под именем Васька Хлопушкин.

Высокий, крепкий, с толстыми губами и широким носом, с непослушными волосами и хорошо поставленным ударом. Васька выглядел лет на двенадцать и в первую же неделю устроил в классе переворот, показав остальным, что отныне он здесь главный. Мало кто мог возразить парню, который возвышался над остальными на целую голову, а бил так, что синяк не сходил неделю. Всем доставалось от хулигана, даже учителя порой стонали от его проделок, но единственное, что они могли: пугать директором и бесполезно вызывать родителей в школу.

Сильнее всех от хулигана доставалось хрупкому, тихому пареньку, который на перемене предпочитал сидеть подальше от одноклассников и что-то писать в тетради. Васька быстро вычислил, что «хлопик» ничего ему не сделает, никому не скажет, а если и скажет то «останется без зубов». Некогда спокойные школьные дни превратились в ужас. Буквально каждый день Хлопушкин терроризировал Севастопольского своими придирами, идиотскими вопросами, «случайными» тычками и откровенным насмехательством.

Вроде бы ничего страшного не происходило, Василий хоть и был хулиганом, но отнюдь не дураком: он понимал, что не стоит оставлять на парне синяков, иначе могут быть неприятности, но давить на него психологически – порой это было приятнее, чем ударить кулаком.

Илья не знал, куда спрятаться от парня и все чаще он старался прогуливать школу, чтобы не встречаться с противником в жизни, а в мечтах часто уничтожал его различными способами. Нина Васильевна не подозревала, что творится в душе сына, ведь тот никогда не жаловался на школу, учеников, одноклассников. Она, видя, что мальчик занимается уроками не приставала с расспросами, думая, как ей повезло, что у нее такой прилежный сын. Лишь когда ей позвонила классная руководительница Ильи, уточнить, почему мальчик так часто не приходит на уроки, она забеспокоилась.

– Илюшенька, сынок, – мягкая рука легла на голову, – у тебя что-то случилось?

Севастопольский поднял глаза от тетради с примерами, посмотрел на встревоженную мать. Отрицательно покачал головой.

– Нет.

– Тогда почему ты не ходишь в школу? Светлана Ивановна звонила, сказала что ты...

– Я просто не хочу, – в голосе ребенка прозвучала настойчивость.

Нина Васильевна была растерянна: она никогда не заставляла сына делать что-то против воли. Женщина понимала, что ее ребенок не такой как обычные дети и ему нужен определенный уход, но Илья давно ведет самостоятельную жизнь, и он никогда ни на что не жаловался.

– Сыночка, ты скажи – тебя обижают? – мама сглотнула, представив эту картину.

Шариковая ручка замерла над исписанным аккуратным почерком, листом. Сейчас в Севастопольском боролись два желания и одно из них хотело рассказать матери все, а другое уговаривало молчать.

– Нет.

– Тогда, что происходит?

– Ничего.

Нина Васильевна так и не смогла добиться от сына нормального ответа. Последующие несколько недель она внимательно наблюдала за мальчиком: проверяла, нет ли у него синяков, может он из-за плохих оценок так переживает, а может что-то другое происходит – она не знала. Синяков не было, в дневнике красовались оценки «отлично» и «хорошо», а сын больше молчал, уходил к себе в комнату и долго сидел за столом. К тому же ребенок вновь начал регулярно посещать школу и учителя хвалили его.

Такое возросшее постоянство объяснялось тем, что Васька Хлопушкин заболел. Заболел сильно и, кажется, надолго. Илья слышал, что говорили пацаны в классе. Некоторые утверждали, что хулиган ограбил кого-то и теперь в тюрьме. Другие говорили, что он в драке со старшеклассниками сломал руку. Но Светлана Ивановна рассказала, что Хлопушкин сломал ногу, неудачно прыгнув с крыши веранды в детском саду, что располагался недалеко от школы.

– Месяца два его не будет, – произнесла она и тут же добавила облегчено: – Хоть отдохнем... Горшков к доске!

Это стало отличной новостью за весь учебный год. Два месяца без врага – это самый лучший подарок. А если учитывать, что через полтора месяца начинаются летние каникулы, то до сентября можно не думать о хулигане.

Казалось, что до сентября так далеко и за это время может случиться многое... Случилось. К всеобщей радости Хлопушкин так больше никогда и не появился в этой школе. Светлана Ивановна сказала, что родители перевели его в другое учебное заведение.

Для Ильи наступила обычная жизнь. Та, к которой он привык: быть одиночкой, последним на переменах и в спортивном зале. Быть тем, кого принимают за мебель, но он уже свыкся с этим, и где-то даже это нравилось Севастопольскому – главное, что никто не лез к нему...

Окончание школы стало для Нины Васильевны большой радостью и даже неожиданно. Она не могла поверить, что одиннадцать лет пролетели так быстро, ведь еще только вчера Илюша сказал первые слова, сделал первые робкие шаги, пошел в детский сад.

Еще меньше женщина могла поверить, что ее сын пойдет на выпускной бал. Школа специально арендовала концертный зал для такого радостного события и ее Илюша, сегодня будет там.

– Только будь осторожным, – наставляла она, завязывая юноше галстук. – Я понимаю, что ты уже взрослый, но прошу – не пей.

Илья, в который раз снисходительно посмотрел на маму.

– Ты же знаешь, что я не пью, – он обнял Нину Васильевну за плечи. – Не волнуйся все будет хорошо. Я учился с этими людьми одиннадцать лет, уж один вечер я как-нибудь продержусь, – улыбнулся.

Все же женщина волновалась и как оказалось не зря. Материнское сердце чувствует, когда с ребенком должно произойти что-то плохое.

В арендованный концертный зал, казалось, согнали всех выпускников близлежащих школ. На сцене выступали местные коллективы, под зажигательные ритмы двигалась разноцветная масса в сотню человек.

Как ни старались учителя и родители, но кто остановит ученика, тем более выпускника, когда у него на душе праздник. Скоро стало понятно, что кому-то удалось пронести в зал спиртное.

Однако это мало беспокоило Илью, он скромно стоял в дальнем темном углу, там же неспешно двигался в такт громкой музыки. Юноша по-своему был счастлив: школа почти закончилась, скоро будет поступление в институт, книга, которую он пишет уже второй год, тоже подходит к своему завершению – главный герой вот-вот победит злодея и спасет мир от нависшей угрозы.

Казалось, что все складывается удачно, но видимо судьбе надоело однообразие в жизни своего подопечного, и она решила внести в нее свои коррективы.

– Привет, хлюпик! – на плечо рухнула тяжелая ладонь с такой силой, что Севастопольский присел под ее напором. – Что, думал, не узнаю тебя в костюме? – раздался насмешливый голос и Илью мгновенно пробил холодный пот.

Перед юношей стоял высокий парень в джинсах и футболке с коротким рукавом. Даже в приглушенном свете зала было видно, как под одеждой перекачиваются мышцы. Илья сглотнул, но ответил, стараясь не выдать волнение голосом:

– Здравствуй... Василий.

– Узнал, – в голосе слышалась напряженная радость. – Что, хлюпик, не ожидал меня здесь увидеть?

Севастопольский отрицательно покачал головой. Он даже в страшном сне не мог представить, что на выпускном вечере окажется... Хлопушкин.

Бывший хулиган по-братски обнял юношу за плечи, встав рядом. Оглядев зал, произнес с презрением:

– Сам не ожидал, что дотяну до такого. Посмотри на этих придурков, скажут, чему-то радуются, – Васька посмотрел на притихшего Илью. – А чему радоваться, когда жизнь – дерьмо?

Хлопушкин отпил из бутылки, которую держал в руке, дыхнул в сторону собеседника. Севастопольский ясно почувствовал запах алкоголя, так пахла водка, которую мама использовала, когда ставила ему банки.

– Нечему, – на всякий случай согласился Илья. Он понимал, что сейчас лучше во всем соглашаться с выпившим парнем. Место где они стояли, было темным, да никто и не смотрел в их сторону.

Васька вновь отпил из бутылки, согласно кивнул головой.

– Будешь? – протянул водку Илье, тот отрицательно покачал головой. – Жаль, не привык я пить один.

– Может тогда не стоит?

Хлопушкин усмехнулся, выпил еще.

– Стоит. – Поставил открытую бутылку на пол, после чего проникновенно посмотрел на Севастопольского. – Знаешь, Илюха, я давно уже хотел сделать это...

– Что это? – не понял юноша и тут же захлебнулся собственным вопросом.

Кулак попал точно в солнечное сплетение, выбив из легких весь воздух. Илья задышался, но сил вздохнуть не было. Хлопушкин медленно, даже заботливо опустил Севастопольского на пол, присел рядом на корточки.

– Это за твое издевательство над моей ранимой душой, – в голосе слышалось удовлетворение и легкое ехидство.

Илья нашел в себе силы прохрипеть:

– Сволочь.

– Есть немного, – согласился парень, потом встал во весь рост, осмотрел холодным взглядом зал и неожиданно ударил ногой.

Боль поселилась в животе ледяной коркой, протянула свои когти по всему телу, заставляя его сжаться.

– Это тебя за«сволочь»», – беззлобно произнес Хлопушкин и быстрым шагом скрылся среди танцующих, которые даже не заметили произошедшего. Никто и не думал смотреть в темный угол, где валяясь на полу, корчился от боли юноша в светлом костюме.

Илья не знал, сколько прошло времени. Кажется, он терял сознание, а, может, показалось. Песни сменяли друг друга, со сцены что-то говорил директор школы, учителя, а Севастопольский никак не мог подняться, хотя боль уже не была такой острой. Еще никогда в жизни ему так сильно не хотелось забыться, уйти в себя и стать тем самым героем, который мог бы дать отпор Хлопушкину.

Скосив глаза, юноша увидел пластиковую бутылку, ту самую из которой пил Васька: она была на две трети пуста. Протянув руку Севастопольский схватился за нее, как за спасательный круг, притянул к себе. В нос ударил запах спирта, Илья поднес горлышко к губам и сделал резкий глоток. Рот, горло, легкие, желудок – все обожгло огнем, заставило жадно заглатывать воздух, из глаз потекли слезы. Пламя внутри быстро сменилось теплом, которое согревающее разлилось по телу.

Юноша сделал еще один глоток: теперь было не так горько и жарко, скорее необычно... Необычно приятно. В голове появилась легкость. Илья допил бутылку, отбросил ее и медленно поднялся. Ему уже было все равно, что костюм испачкан, а заботливо уложенная прическа растрепалась, его больше занимал выходящий из зала Хлопушкин. Севастопольский двинулся за ним.

Он шел сквозь толпу, расталкивая ее и впервые все уступали ему дорогу: потому что, кому-то было все равно, а кто-то, потому что видел лицо юноши в испачканном костюме.

Хлопушкин немного шатающейся походкой вышел на улицу. Остановившись у двери, поднял уставшие глаза на восседающую на небе луну, ухмыльнулся чему-то и двинулся дальше. Для него выпускной бал был не более чем формальность, на которую он пошел только потому что так мать захотела.

Васька шел, опустив глаза в темный асфальт, поэтому сразу не заметил, как сбоку возникла фигура. Они одно время шли параллельно, пока фигура не толкнула его в плечо. Парень скосил глаза в сторону, произнес устало, но с металлом в голосе.

– Тебе показалось мало? Хочешь еще, хлюпик?

Севастопольский стоял перед ним, глядя из-под бровей. Стоял и молчал и это, почему-то начало злить хулигана.

– Уйди с дороги, пока не сломал что-нибудь важное, – пригрозил он и даже толкнул в грудь юношу, но тот даже не пошевелился, а Хлопушкину показалось, что он попытался сдвинуть скалу.

Это разозлило его еще сильнее.

– Лучше сгинь, хлюпик – я за себя не ручаюсь, – и неожиданно ударил Илью в челюсть. Такой удар мало кто мог выдержать, но Севастопольский и мускулом не повел. Вместо этого он выпрямился, чуть приоткрыл рот и Хлопушкина окружил голос.

Он шел не от юноши – отовсюду, словно бы он в нем растворился.

– Тавр зол.

– Кто? – не понял хулиган.

В следующую секунду он испуганно отступил на шаг. На его глазах хлюпик стал... меняться. Растрепанные волосы осыпались на землю, оголив череп, который шел страшными буграми. Уши вытянулись вверх и заострились. Лицо пошло вширь, нос расплющился, губы исчезли, обнажив крупные зубы и длинные клыки. Костюм затрещал по швам и, не выдержав давления, разошелся, обнажая плоть.

Однако и в темноте Хлопушкину удалось разглядеть, что кожа имеет синеватый оттенок. Он с ужасом глядел, как юноша превращается в нечто монстроподобное: ростом более двух метров, с длинными, почти до колен руками, увитыми выступающими жилами, как дерево лианами. На пальцах острые когти. Но Васька видел только глаза нового Ильи: с красной радужкой и непроницаемо черным зрачком.

– Кто... т-ты? – хулиган нашел в себе силы прошептать.

Монстр глухо зарычал.

– Тавр.

Хлопушкин отступил еще на шаг, выставив, словно защищаясь, руки.

– Илюха, брат, ты же...

Чудовище прервало его.

– Тавр не брат.

– Но ты же...

Договорить Хлопушкин не успел. Он и понять ничего не успел, как был брошен сильным ударом на землю. В грудь будто тараном попали: дыхание перехватило и, кажется, несколько ребер повреждено. Васька пытался подняться, но, подскочивший монстр, придавил его ногой, заставляя распластаться на скошенной траве.

Но тут же он был вздернут вверх, монстр держал его над головой.

– Тавр! – зарычало чудовище, некогда бывшее Севастопольским.

Хлопушкин только и успел, что пискнуть, как Тавр свел руки вместе, ломая хрупкий человеческий позвоночник. На землю упало уже мертвое, неестественно сложенное тело.

Илье было плохо, настолько, что на секунду возникла мысль, что лучше умереть, чем терпеть раздирающую изнутри боль. Тело, сознание – все, что он когда-либо знал, протестовало против произошедшего.

После убийства Севастопольский некоторое время стоял над трупом, рассматривая его черными глазами. С каждой секундой в нем росло желание вырвать у побежденного сердце и съесть его, прежде чем оно станет холодным. Он всеми силами старался побороть в себе это, но Тавр зарычал и, перевернув ногой тело, вонзил в него острые когти. Послышался звук раздираемой плоти, на пальцы брызнула кровь, и монстр победно зарычал.

Во рту стало солоно, кровь бежала по горлу, текла по подбородку, пока в еще бьющееся сердце вгрызались острые зубы. Илья понимал, что он делает, но не мог остановить самого себя. Он не контролировал монстра, который выбрался из него после всего нескольких глотков алкоголя. Севастопольский понимал, что именно водка стала тем катализатором, который запустила этот страшный процесс.

Голова быстро прояснялась, выгоняя остатки хмеля, а вместе с ним уходил и Тавр. Происходила обратная метаморфоза, в результате которой над мертвым телом скоро стоял испуганный юноша в рваном костюме, с окровавленными руками и ртом. Илью стошнило. Его трясло так сильно, что он упал на землю, но все же попытался отползти от Хлопушкина.

Наверное, он бы так и пролежал рядом с ним, пока их не нашли – Севастопольский был готов понести наказание за содеянное, но маленьким червячком внутри, кто-то настойчиво вгрызался в мозг страшной мыслью. Мыслью, о которой Илья помышлял только в своих фантазиях, но не думал, что она когда-нибудь осуществиться.

«Отомстил, – с ехидной радостью прозвучало внутри и добавило: – Супергерой». Севастопольский сумел приподняться на руках, все еще с ужасом взглянул на окровавленный труп хулигана, но теперь он не вызывал такого сильного отвращения, как в начале.

Со стороны концертного зала слышались голоса, в намечающемся рассвете мелькнули тени. «Беги», подсказал внутренний голос и Илья, вскочив, бросился прочь от тела.

Он бежал не разбирая дороги. Мелькали дома, дворы, машины, окна, но в столь раннее время людей не было. Севастопольский не знал, что ему делать, куда идти, ведь он теперь

убийца. Его жизнь, которой и так никто не позавидует, превратилась в кошмар, от которого не пробудится.

Пробегаючи мимо фонтана он оттер застывшую кровь с лица и рук. Выбросил в мусорку рванный пиджак. Илья не знал почему он это делает, он слушал внутренний голос, а тот отдавал приказы и Севастопольский подчинялся им, как привык подчиняться другим. Тот же голос: хриплый, настойчивый и хищный, приказал ему найти какой-нибудь клуб и смешаться с толпой.

Побегаючи по незнакомым улицам, юноша обнаружил подобное заведение. Раньше бы он обошел его за километр, но сейчас он целенаправленно двигался туда, откуда грохотала музыка, а возле распахнутой двери стояло несколько человек, неуверенно державшиеся за стену, двери, друг друга.

Проходя мимо Илья почувствовал устойчивый запах пива, пота, сигаретного дыма. Входную дверь преграждал лысый мужик в футболке с коротким рукавом, но это был не охранник – видимо один из завсегдатаев этого места. В широкой ладони он держал бутылку пива и она казалась крохотной в его руках.

Мужик взглянул на приближающегося Севастопольского, толкнул рядом стоящего приятеля, кивнул на парня.

– Смотри, Серега, к нам уже бомжи ходят... А ну стой, пацан. Ты куда это собрался?

В юношескую грудь уперся палец. Илья не поднимая глаз от асфальта, промямлил, что хотел бы войти в клуб. Лысый хохотнул.

– А мамочка знает, где ты ходишь? Может ей позвонить, пускай приедет заберет тебя и подгузники поменяет.

Пьяные мужики захохотали, это только раззадорило лысого. На Илью посыпались насмешки, подколки, легкие тычки. Конечно, Севастопольский бы мог уйти и найти другое людное место, но вдалеке раздался пронзительный голос «сирены» и юноша запаниковал.

– Мне надо войти, – чуть ли не плача произнес он, оттолкнул руку лысого и вбежал внутрь.

Сзади раздался звон разбиваемого стекла, и через секунду воздух сотрясли пьяные проклятия. Илья успел добраться до середины небольшого, полупустого клуба, когда следом вбежали мужики.

– Вот он! – заметили его. – А ну стой, пацан – ты мне бутылку пива разбил. С тебя теперь должок.

Юноша сжался, услышав грозный оклик, обернулся. Лысый мужик подскочил к нему, схватил за мокрую, измятую рубашку.

– Ты че делаешь, придурок?! Это было мое последнее пиво, – встряхнул парня. – С тебя две бутылки такого же.

Илья попытался возразить, что бутылка была одна, но получил затрещину и попал еще на два пива.

– Быстро «бабки» достал и купил, пока я тебя по стене не размазал.

Угроза не была пустой, видно, что лысый осуществит ее, причем сделает это с большим удовольствием. Пиво было лишь предлогом подраться и Илья был выбран куклой для битвы... В который раз.

– У меня нет денег, – тихо произнес Севастопольский, чувствуя как внутри медленно закипает злость.

– Че? – не сразу понял выпивший мужик. – Да я тебя за такое... – оттолкнул парня к банной стойке.

– Я бы на вашем месте этого не делал.

– Да, а что будет? – хищно поинтересовался бугай.

Илья нервно сглотнул, поглядывая на перекачывающиеся под футболкой, мышцы.

– Плохо будет, – произнес он неуверенно.

Несколько человек улыбнулось, а парню показалось, что это гиены оскалились.

- А мы рискнем, – бугай хрустнул котяшками пальцев и сделал шаг к Севастопольскому. Илья отскочил и уперся в барную стойку спиной. Он понимал, что сейчас его будут бить: сильно, страшно, может даже с увечьями. Ему ничего не оставалось.
- Последнюю просьбу можно? – умоляюще взглянул он на мужиков.
- Лысый улыбнулся, согласно кивнул.
- Последнюю? – посмотрел на остальных. – Последнюю, можно.
- Илья обернулся к застывшему парню за стойкой, голос прозвучал обреченно.
- Бармен, сто грамм.

В деревне

В 7.30 минут возле двухэтажного дома с красными наличниками на окнах, остановился джип. Из него вышел стройный мужчина тридцати пяти лет, с коротким ежиком волос и темных очках. Приподняв очки, он оглядел небольшую деревню, на двадцать домов, с единственной улицей на которой сейчас расхаживала домашняя птица.

– Да... деревня, – протянул он, посмотрел под ноги и поддев небольшой камушек острым ботинком, отбросил его в сторону. Открыл заднюю дверь, достал из холодильника бутылку минеральной воды, отпил. Повторил: – Деревня.

Закрыв дверь, и поставив машину на сигнализацию, открыл калитку в невысоком заборе. Посыпанная песком дорожка привела к дому. Поднявшись по трем ступенькам, мужчина постучал в приоткрытую дверь... Потом еще раз, но уже сильнее. Дом молчал. Мужчина снял очки, зацепил дужкой за распахнутую на груди рубашку, посмотрел на часы. Стрелки на массивном циферблате показывали тридцать пять минут восьмого.

– Странно. Договаривались же на это время, – задумался. – Может Михалыч что-то напутал?

Порывшись в кармане светлых брюк, достал сложенный листок, развернув, прочитал: «7.30, дом с красными наличниками. Хозяйка Венера Георгиевна. Я договорился». Мужчина убрал листок в карман, постучал еще раз, более настойчиво. Когда никто не ответил, открыл дверь, крикнул в дом:

– Есть кто живой?

– Есть, а почему бы не быть, – раздался за спиной голос. – Вы должно быть Илья Степанович?

Мужчина развернулся. Перед домом стояла женщина лет шестидесяти-шестидесяти пяти, седые волосы собраны в пучок и прикрыты тонкой полоской платка. В одной руке ведро, в другой маленькая лопатка, края которой испачканы в земле.

– Аверин... Венера Георгиевна, полагаю?

– Она самая, будет, – женщина улыбнулась, подняла ведро, наполненное опилками. – В огороде уже с утра копаюсь, вот и за временем не уследила.

Поставила ведро, сунув в него лопатку. Подошла к бочке с водой, что стояла на углу дома и принялась мыть руки.

– Вы проходите, осмотритесь, я сейчас подойду.

Илья зашел в дом. В небольшом предбаннике стояла широкая скамейка, под ней располагалась обувь, на крючке висел плащ-дождевик и соломенная шляпа, с желтым бантом. Дальше Аверин вошел в комнату. Небольшой, но массивный стол, пара тяжелых стульев, старенький диван, и кресло со сломанной ножкой, на месте которой стоял деревянный чурбачок. Легкие занавески, раздвинуты, окно открыто, впуская внутрь свежий воздух, приносящий с собой запах мяты и цветов.

Маленькая кухня, переделанная в сарай с садовыми инструментами. Лестница с широкими ступенями вела вверх, видимо там и будет его комната, решил Илья Степанович, и не стал подниматься.

– Ну и как вам здесь нравится?

Он удовлетворенно кивнул головой.

– Отлично. То, что Михалыч и описывал, – повернулся к хозяйке, которая вытирала руки о полотенце, накинутое на плечо. – Он сказал, что о плате договорился.

– Да-да, не волнуйтесь, Ярослав Михайлович все оплатил и рассказал о ваших предпочтениях. Если хотите я покажу вашу комнату.

Илья оглядел первый этаж еще раз, отпил воду из бутылки, согласно кивнул.

Ступени скрипели, опасно прогибались под его весом, но выдерживали. Венера Георгиевна легко для своего возраста поднялась на второй этаж, открыла свежеекрашенную дверь.

– Это ваша комната.

Илья заглянул внутрь. Новый раскладной диван, новое кресло, стол с принтером и ноутбуком – за окном виднелась спутниковая тарелка, – несколько пустых полок. Потолок над столом был скошен под углом, срезая стену почти на треть.

– Ярослав Михайлович завез это два дня назад, – в голосе слышалось оправдание. – Он предупредил, что Вам надо много работать.

Аверин вошел в комнату, включил компьютер, тот загудел, по монитору побежали загрузочные данные.

– Да, работы предстоит много, – рассеяно ответил он, наблюдая, как тарелка самостоятельно пытается поймать спутниковый сигнал. В этой глуши интернет огромная роскошь, но Михалыч позаботился об этом. – Хорошо, мне все нравится.

Старушка облегченно выдохнула.

– Славно. Располагайтесь, а я пока приготовлю завтрак.

Илья запустил несколько программ, одна из которых почтовая. Покачал головой.

– Я поем в городе, – выключил монитор, вышел из комнаты. Подождал когда выйдет хозяйка и отдаст ему ключи. – Может там и пообедаю.

Венера Георгиевна согласно кивнула и начала спускаться.

Солнце бросилось в глаза, стоило выйти из недр дома, мужчина надел черные очки, отпил из бутылки. Возле машины толпилась ребятня, впечатленные большой машиной трогали ее, тыкали пальцами в стекло, в колеса, дергали за ручки. Илья усмехнулся, нажал на маленькую кнопку на брелке с ключами. Джип мигнул фарами, пикнул два раза и снялся со сигнализации. Ребятня бросилась врассыпную, но отбежав на несколько метров остановилась с любопытством наблюдая как Илья садится в автомобиль. Мотор гулко заурчал, стекло поехало вниз, впуская в уже нагретый салон воздух. Подав назад, Аверин развернул машину и тот, переваливаясь с бока на бок, поехал по разбитой дороге, в сторону леса.

– Шашлык, салат, бутылку минеральной воды без газа и... И все.

Официантка кивнула, забрала меню и неспешно удалилась. В полупустом «ресторане», как гордо величало себя это заведение больше похожее на перестроенную столовую общепита, кроме Ильи Степановича сидело еще двое мужчин. Перед одним стояла початая бутылка водки и тарелка с салатом, второй пил пиво, закусывая очередной порцией шашлыка.

Аверин положил очки на стол, достал телефон и вызвал единственный забитый в нем номер. На том конце провода ответили не сразу.

– Михалыч? Здравствуй... Да, устроился. Все отлично... Да, милая старушка, лишних вопросов не задает, но видно, что хотела... Мебель привезли. Кстати, спасибо за компьютер... Начну работать сегодня вечером, если все пойдет как я думаю, через пару дней пришлю первые данные.

Официантка поставила на стол порцию шашлыка, и салат с пожухлыми листьями, бутылку с водой.

– Приятного аппетита.

– Спасибо. – Аверин подождал пока она отойдет. – Михалыч, ты уверен, что они именно здесь?.. Я доверяю твоим информаторам, но... Хорошо, пришли мне спутниковые снимки на почту.

Илья брезгливо вытащил из салата пожелтевшие листья, остальное было густо приправлено маслом, с резким запахом.

– Деревня, – выругался. – Я говорю, что тут деревня... Да, они в таких местах обычно и скрываются... Да, взял... Если получится, но лучше побережь, серебро все-таки... Если понадобится команда, я сообщу... Спасибо, постараюсь отдохнуть.

Убрав телефон, Илья Степанович открыл бутылку, отпил теплой воды, поморщился.
– Деревня, – бросил на стол пятьсот рублей и вышел из «ресторана».

До трех часов он катался по городу, изучая его, стараясь запомнить улочки, дома, магазины. Всмотривался в людей: в пустые глаза, в пропитые лица, угрюмые выражения. Потом выехал за город и поехал к лесу. Пятьдесят километров по неровной дороге и он будет в деревне.

– Странно, что они забрались именно сюда, – размышлял он вслух. – На их месте я бы прятался в большом городе, а не в захудалом месте, где и поесть нормально нельзя.

Узкая дорога, на которой с трудом разойдутся две машины, словно пьяная петляла среди деревьев. Сквозь густую листву пробивалось солнце, отражаясь от лобового стекла солнечными зайчиками, которые норовили запрыгнуть в глаза.

– С другой стороны, если что-то случится, все можно списать на диких зверей, – Илья скосил глаза на листок, лежащий на соседнем сиденье. В нем значилось, что в этих местах обитают и медведи, и кабаны, и волки.

Когда до деревни оставалось около пяти километров, Аверин остановил машину. Выйдя, открыл заднюю дверь и, убрав спортивную сумку в сторону, откинул брезент, закрывающий пол. На месте запаски лежала промасленная ткань, он развернул ее. Пододвинув сумку ближе, достал из ее глубокого кармана пистолет с коротким стволом. Прикрутил к нему глушитель, что лежал в тряпице. Вставил в приемник патроны, проверил затвор. Убедившись, что поблизости никого нет, выстрелил несколько раз вверх, чтобы не оставлять следов на деревьях. Они могли увидеть их, а ему это ненужно.

– Отлично, – глушитель сработал на славу, еле слышимые хлопки поглотил легкий ветер. Он убрал пистолет обратно в сумку, привел внутренности багажника в порядок, и минуту спустя ехал в сторону деревни, слушая магнитола.

Джип остановился возле небольшого забора, за которым располагалось его нынешний дом. По крайней мере не ближайший несколько дней. Если все пойдет успешно, он справится за неделю. Михалычу донесли, что здесь может скрывать небольшая группа, особей в пять-шесть.

Он доставал большую спортивную сумку с вещами из багажника, когда в лобовом стекле заметил приближающуюся девичью фигуру. Илья повесил сумку на плечо, захлопнул багажник.

– Привет.

Он обошел машину, взял с пассажирского сиденья листок с информацией.

– Привет, – отозвался.

– Ты к бабе Венере жить приехал?

Илья Степанович взглянул из-под темных очков на девушку. Лет двадцати-двадцати двух, с длинной косой, милым личиком, в необъемном сарафане, укороченным вручную так, чтобы было выше колена.

– Живешь здесь? – проигнорировал он вопрос.

– Да. Во-он в том доме с синей крышей, – девушка приподнялась на цыпочках, указывая на предпоследний дом с выцветшей, некогда синей крышей. Длинные ноги напряглись, выгодно очерчивая икры.

Машина просигналила, что закрылась и, если кто-то захочет в нее забраться без спроса хозяина, предупредит громким, противным голосом.

– Меня Дарья зовут, – протянула девушка руку.

– Илья.

Хрупкая ладошка утонула в крепкой и широкой ладони. После приветствия девушка немного осмелела.

– Ты надолго к нам? У бабы Венеры часто останавливаются гости. Ты из города? А из какого?

Аверин взглянул за спину девушки. Недалеко начинала собираться местная ребятня, они о чем-то переговаривались, указывая на них пальцами.

– Из Петербурга?

Глаза Дарьи зажглись восхищением.

– Ух ты. А я в Москву поехать хочу, но мамка не пускает.

Где-то промычала корова, загоготали гуси. Ребятня подошла на несколько шагов ближе.

– Правильно не пускает. Делать там нечего.

– Я хочу артисткой стать, или певицей, – не обращая внимания на его замечание, продолжала девушка. – Меня всегда приглашают петь на свадьбах, или играть в местном театре, – в голосе послышалась грусть. – Правда, до него далеко добираться.

Аверин оглядел улицу, дома. Лишь за одним забором высилась кабина трактора.

– У вас часто кто в город ездит?

– Нет, – махнула девушка рукой. – Если только Иваныч заведет трактор, но дед уже две недели как в запое. Раз в неделю машина из города приезжает, продукты привозит.

Илья задумчиво покачал головой, вновь взглянул на ребят.

– Дашка-Дашка-промакашка! Дашка жениха нашла, на сеновал отвела. Дашка-Дашка-промакашка! – весело заголосили они, кинули в их сторону несколько небольших камешков и брызнули в рассыпную, как только девушка бросилась за ними.

Илья Степанович проводил их взглядом, потом направился к дому. Венеры Георгиевны видно не было, но из-за дома доносился звук льющейся воды и негромкая песня. Мужчина поднялся на второй этаж, открыл комнату, положил сумку на кресло и, не разбирая ее, включил монитор. Все необходимые программы и обновления были загружены. Расположившись с компьютером на диване, он зашел в почтовую программу.

– Два письма... Посмотрим... Инструкции... Вот и снимки.

На экране развернулись черно-белые снимки сделанные спутником несколько дней назад. Судя по изображению особей было шесть, крупные и передвигаются быстро.

– Маститые, – отметил Илья.

По координатам на фотографии выходило, что они прячутся километрах в двадцати от деревни.

– На восток.

На первом этаже раздались шаги, переместились в комнату. Замолкли на несколько минут и вновь послышались, удаляясь из дома. Илья повернулся к монитору, открыл еще несколько снимков. Один из них был с подробной картой местности. Он отправил снимок на принтер, тот зашумел, проглотил бумагу и скоро выплюнул ее с распечатанным рисунком.

– Значит, они их засекли здесь, – зеленый фломастер очертил небольшой круг в лесном массиве. – Здесь и... здесь. Похоже, они приближаются. Если не снизят скорость, сегодня-завтра будут рядом. Отлично.

Мужчина встал, вернул ноутбук на место, посмотрел в окно. Оно выходило на широкое поле, за которым виднелся лес. В поле ходили люди, бегала ребятня, гуляли животные. Чуть сбоку располагалось небольшое озеро, в котором плескались неясные фигурки.

Когда солнце решило, что на сегодня его рабочий день закончился и начало спускаться, Илья опустил в кресло. За это время комната преобразилась: на полках появились книги, толстые тетради; на стенах фотографии, картины, карандашные рисунки. Большую часть времени отнял тайник. Аверину пришлось вручную вырезать его в скошенном углу потолка. Хорошо, что покрытие оказалось фанерным, иначе он провозился бы дольше, или понадобилось что-то быстрее и тяжелее ножа и лобзика.

Он запер комнату, занавесил окно и лишь потом открыл сумку. Убрал в тайник длинный нож в кожаных ножнах, завернутый в промасленную тряпицу полуавтоматический пистолет с глушителем и две коробки с патронами. Другой пистолет спрятал в глубину раскладного дивана, у которого специально были сломаны пружины, чтобы никто его не смог раскрыть.

Солнце опустилось за лес, разорвав бока о верхушки деревьев, разлилось над ними желто-розовым маревом. Размытых фигурок в поле стало меньше, они все больше теряли свои очертания. Слышно как внизу ходит Венера Георгиевна, потом она вышла и вернулась минут через двадцать, когда над лесом осталась тонкая бледно-розовая полоска.

– Илья Степанович, вы дома?

– Да. Сейчас спущусь.

– Ужин готов. Вы спускайтесь, я пока стол в летней кухне накрою, – хлопнула входная дверь.

Аверин осмотрел комнату еще раз, убедился, что тайник в стене надежно прикрыт большим снимком пустыни Гоби, вышел, заперев комнату.

Летняя кухня располагалась недалеко от дома. Небольшое открытое здание, больше похожее на беседку, было освещено несколькими масляными лампами. Клеенчатые стены, трепыхались под шаловливыми руками ветра. В тускловатом свете ламп, внутри перемещалась одинокая фигура.

Мужчина переступил порог, отодвинув тяжелую штору.

– Закройте, а то комары налетят, их в этом году столько развелось, – попросила хозяйка, выставляя на стол нарезанные черный хлеб. – Присаживайтесь.

Илья сел на стул, тот скрипнул под ним, осторожно облокотился на спинку.

– Разносолами особо не побалую, у нас здесь все просто – что посеем, то и соберем, на это и живем. Машина с продуктами только по воскресеньям приезжает. Ну хоть муки и крупы купить... Да Вы кушайте, Илья Степанович, не слушайте причитания старой бабки.

– Что вы, мне приятно. – Аверин положил на тарелку свежие листья салата, несколько долек нарезанного огурца, ложку гречневой каши и несколько кусков жареного мяса.

Венера Георгиевна скромно взяла черного хлеба и половинку помидора, посыпала ее солью.

– Тихо у нас тут, вдали-то от больших городов, – откусила красный помидор. – Что там делать, в этих лесах каменных, где человек человеку волк. Вот и Вы решили выбраться оттуда, – вздохнула. – Все мы возвращаемся к земле, кто-то раньше, кто-то позже.

Илья прожевал кусок мяса, согласно кивнул.

– Действительно тихо. Даже странно, везде что-то происходит, а у вас словно время замерло. Наверное, самое страшное происшествие, если курица не понесет, или коза в лес убежит, – улыбнулся он.

Старушка отложила недоеденный кусок хлеба, лицо стало напряженным, губы сжались.

– Разное бывает, – хрипловато произнесла она. Потом оглянулась на вход, словно боялась, что в него сейчас войдут. Поманила пальцем, наклонилась над столом, зашептала быстро: – Странное у нас стало происходить. За неделю до вашего приезда у Матвеевны корову загрызли, а вчера коза у Семенова пропала. Ушла в сторону леса и не вернулась, хотя всегда к вечеру приходила.

Мужчина взглянул на обеспокоенную старушку, отправил в рот огурец и предположил:

– Может волки шалят или медведи? В этих лесах их много обитают.

Венера Георгиевна с сомнением покачала головой.

– Уж не знаю, медведь то, или волки озорничают, да только корову у Матвеевны не съели, а выпотрошили. Потроха по всему сараю висели, словно специально кто их повесил, и... – хозяйка вновь зашептала: – сердца у коровы не было. Все остальное цело, а сердце пропало, – произнесла сухо. – Медведи так не поступают, волки тем более.

Аверин проглотил очередной кусок мяса.

– Вы кому-нибудь об этом говорили?

Старушка отмахнулась рукой. – Да кому тут скажешь? Участковый только в городе есть, а у нас появляется раз в месяц. Да и кто слушать будет? Все спишут на зверье лесное.

– Холодной воды не найдется?

– Да-да... Вот, колодезная... Вы не бойтесь, она почище городской будет, да и полезнее. В ней химии нет, и освежает хорошо.

Илья Степанович налил из кувшина воды, отпил.

– Значит, участковый нечасто здесь появляется. И когда он должен приехать?

Венера Георгиевна задумчиво подняла глаза, начала что-то считать на пальцах.

– Дней через десять... Может раньше, или позже, – пожала плечами. – По-разному бывает.

– Может позвонить ему стоит? Пусть приедет, разберется, что это творится на вверенном ему участке?

– Так телефона-то у нас нет, – разочарованно всплеснула старушка руками. – Был один возле почты, но как ее закрыли, так и он работать перестал, а мобильные телефоны не ловят тут. Приезжие говорят, что сигнал плохой.

Аверин согласно кивнул. Он еще днем попытался позвонить, но трубка молчала, лишь ближе к городу появился слабый сигнал.

– Вы от мира совсем отрезаны, – с сочувствием произнес он. Отставил пустую тарелку. – Спасибо, Венера Георгиевна, все было очень вкусно.

– Да что вы. Чем смогла порадовать, – смущенно ответила старушка. – Вы, наверное, спать пойдете?

Илья поднялся, отряхнул крошки с брюк.

– Нет. Хочу воздухом деревенским подышать, прогуляться перед сном.

На него обеспокоенно взглянули.

– Только к лесу не ходите. Все же хищники у нас водятся, а мне потом перед Ярославом Михайловичем отсчитываться.

Аверин успокаивающе погладил старушку по плечу.

– Не волнуйтесь, приближаться не буду. Я тут... рядом.

Уже у себя в комнате он переоделся в черные брюки, широкую темную рубаху, под которой прятался пистолет. Несмотря на позднее время, на улице было светло – в деревне еще работало два фонаря, но не устойчиво, с перебоями, будто у обоих случился нервный тик. Мужчина, неспеша, прошел вдоль улицы, искоса поглядывая на дома. Невысокие заборы позволяли разглядеть, что во многих еще горит свет, в тишине слышались голоса людей, изредка животных. На одном из дворов лаем зашлась собака. Входная дверь распахнулась, выхватывая светлый прямоугольник коридора.

– Кто тут? – раздался знакомый голос. – Иваныч, ты?

Даша прищурилась, всматриваясь в темноту. Фонари работали плохо, а фигура держалась глубоко тени. Собака заливалась лаем.

– Журка, помолчи! – прикрикнула девушка, повернулась к проему. – Нет, выходить не надо – Журка дурака валяет... Папа, я говорю, что не надо – все в порядке. Мам, ну скажи ты ему, что ружье брать не обязательно.

– Дарья? – деланно удивленно произнес Аверин, выходя из тени. – Я тебя не сразу узнал.

– Илья, это ты?... Папа, это новый постоялец бабы Вены, – девушка замялась немного. – Я пойду, Журку успокою, а то еще задушит себя цепью.

Дверь закрылась, отрезая тепло уютного дома. Девушка легко сбежала по ступенькам. Подошла к будке с собакой, та приветливо замахала хвостом.

– Спокойно, псина – это свои. На него нельзя лаять, он хороший. Все, иди спать.

Даша поцеловала собаку в морду, легко шлепнула по задку, пока та залезала в будку. Потом подошла к забору, облокотилась на него.

– Привет, Илья. Что это ты ночью ходишь, собак чужих пугаешь? – в сумерках блеснули ровные зубки.

– Прогуляться решил. Хочу посмотреть, что тут у вас и как.

– Я могу показать, – вызвалась Дарья, но тут же сникла. – Поздно уже, может завтра?

Илья улыбнулся, наблюдая с какой надеждой на него смотрит эта девушка.

– Хорошо, давай завтра. Иди, а то родители искать будут.

Даша отошла на несколько шагов от забора, помахала ему рукой и пошла к дому. Вновь мелькнул светлый прямоугольник и...

– Папа, я Журку... – исчезнул, обрезав слова.

Аверин отошел в тень, осмотрелся, стараясь понять, не вышел ли на собачий лай еще кто-нибудь. Остальные дома молчали, тупо взирая на него окнами. Постояв несколько минут, мужчина двинулся в сторону поля, стараясь держаться тени.

Не по-городскому яркая луна, небо усыпанное звездами, прохладный ветер, от которого трава шла волнами. Илья Степанович шел, будто ледокол среди тонких льдинок, раздвигая траву и цветы широкими шагами. Он обошел озеро стороной, оглянулся на темнеющую вдалеке деревню и направился к черной массе леса. Аверин остановился возле сосны. Он смотрел вглубь леса, стараясь привыкнуть к темноте. Прислушивался к ней, стараясь расслышать то, что днем нельзя услышать. Когда глаза привыкли, он достал пистолет, быстро проверил наличие патронов, потуже затянул глушитель и шагнул под сень деревьев.

«...Исходя из вышеописанного, проверка территории результатов не дала. Присутствие особей обнаружено не было... Возможно, они появятся завтра. Аверин.»

Илья нажал кнопку «Отправить» и дождался пока уйдет письмо, закрыл ноутбук, отложил в сторону и запрокинул голову, вглядываясь в темный потолок. После ночной вылазки в лес он чувствовал себя опустошенным и разочарованным. Особи пока не появились, а он успел наследить, хотя старался передвигаться осторожно ни за что, не цепляясь, не дотрагиваясь до деревьев, не ломая ветки и кусты. Поставив пистолет на предохранитель, мужчина спрятал его в диван, открыл шторы, разделся до трусов и лег спать.

* * *

Солнечный луч скользнул по полу, двинулся к дивану, забрался по его ножке и как диверсант, прыгнул в лицо спящему. Илья тут же открыл глаза, прищурился от яркого света. Массивные металлические часы на запястье показывали без пяти минут одиннадцать. Аверин встал, сделал несколько махов руками, прогоняя остатки сна, и подошел к компьютеру. Снизу раздались голоса, палец замер над кнопкой: голос хозяйки он узнал, а вот второй – мужской, с хрипотцой, он не слышал. Включив почтовую программу на проверку, Илья вытащил из дивана пистолет, быстро оделся. Думал уже взять оружие с собой, но убрал обратно, решив, что сейчас ему точно ничего не угрожает.

Осторожно, стараясь, чтобы лестница не скрипела, спустился. Голоса раздавались из комнаты Венере Георгиевны. Заглянув в предбанник, он заметил, что там стоит большой рюкзак и грязные походные ботинки крупного мужчины.

– Илья Степанович, это Вы? – послышалось из комнаты.

Аверин поморщился, сетуя, что у старушки такой острый слух. – Да, – откликнулся. – Только что проснулся. Думал пойти умыться.

Хозяйка вышла к нему, она улыбалась, лицо залито румянцем.

– У нас гости. Сегодня утром пришли в деревню, говорят всю ночь шли. Вот страху-то по нашему лесу по ночам гулять.

– Венера, это должно быть вашему постояльцу не интересно, – прозвучал голос с усмешкой и из комнаты вышел гость.

Мужчина среднего роста и плотного телосложения. Черная борода почти полностью закрывало его лицо, акцентируя взгляд на пронзительных зеленых глазах, в глубине которых таился холод. Несмотря на летнюю погоду, гость был одет в толстый свитер и непромокаемые штаны. Больше всего он походил на геолога.

– Михаил, – представился он, протянул руку.

Аверин секунду изучал ее, потом подал свою.

– Илья. – Пожатие было сильным, мозолистым и шершавым. – Простите, но мне действительно надо умыться – привычка, знаете ли.

– Конечно, конечно, – захлопотала старушка. – Вы пока приводите себя в порядок, а я завтрак разогрею.

Прежде чем Аверин вышел, он увидел, как гость незаметно нюхает свою руку, которую он недавно пожимал. Илья закрыл дверь, бегом спустился и, зайдя за угол дома, чтобы его не было видно, понюхал пальцы. В нос ударил неприятный запах, он отдернул руку.

– Они, – прошептал он и направился к умывальнику, где долго тер руки мылом, стараясь избавиться от неприятного аромата.

Потом прошел в летнюю кухню, где сидели Венера Георгиевна и Михаил.

– Мы фольклор собираем, – гость взглянул на Илью, уголок рта дернулся. – Ходим по деревням, ищем что-то... необычное: сказки, легенды, мифы. Или у вас что-то свое есть? – вопросительно посмотрел. – Нам все интересно.

– Илья Степанович, садитесь – в ногах правды нет. Михаил так интересно рассказывает. Оказывается, он с друзьями на нас случайно набрели.

Хозяйка поставила тарелку с блинами, кувшин молока, хлеб и небольшую крынку с медом.

– Михаил, прошу, присоединяйтесь, а то, поди, ни ели давно.

«Геолог»-фольклорист кивнул, не отрывая взгляда от Илья. Тот не спеша положил себе несколько блинов, полил их медом, налил в стакан молока.

– А вы надолго к нам?

Михаил посмотрел на старушку, улыбнулся.

– Пока не знаю, – скосил взгляд на Аверина. – Смотря как пойдет. А ты, Илья, удержишься, или работа уже закончена? – ухмыльнулся.

Илья Степанович отпил молока, неторопливо съел блин.

– Работа только началась. Много вас... сказочников здесь?

– Шесть. Здесь народ гостеприимный, остальных другие приютили. Я вот сюда зашел... Почему интересно?

Старушка недоуменно поглядывала на гостей. Их странный разговор больше походил на диалог давних недругов, но спрашивать об это она не стала. Ее четко предупредили, что работа Ильи Степановича очень сложная, важная и он не любит когда ему задают ненужные вопросы. А по тому, какие ей предложили деньги, она будет молчать.

– Потому что хозяйка тут чудесная, – Михаил широко улыбнулся. Залпом выпил молоко, поднялся. – Спасибо, Венера, я наелся. Если не возражаете, пойду, посмотрю, как остальные устроились. Я тогда вечером зайду, хорошо?

– Да-да, буду рада Вас снова увидеть... Приятный молодой человек, Вы не находите, Илья Степанович? – поинтересовалась она, когда гость ушел. – Странно только, что в свитере ходит. Разве ему не жарко?

– Не думаю, – сухо ответил Аверин. – Спасибо за завтрак, – встал из-за стола. – Пойду, поработаю.

Не дожидаясь ответа, он быстрым шагом направился к себе в комнату. Запер ее на ключ и, сев за компьютер, быстро напечатал письмо: «Они прибыли. Шесть особей. Крупные. Подробности позже. Аверин.» – и отправил. Потом подошел к окну, в поле уже паслись коровы и козы, в озере плескались дети. Солнце было в зените и бросало на землю горячие лучи, неторопливый ветер еле покачивал головки цветов и траву.

– Жаль все это будет потерять, – вздохнул. – Жаль... Надо осмотреться. При свете они напасть не смогут, – размышлял Илья вслух.

Пистолет он вновь решил не брать. Конечно, это было опасно, но и провоцировать особей оружием он пока не собирался. Не надо давать им лишний шанс убить его.

Выйдя на улицу, сразу направился к дому с синей крышей. Подойдя к забору, услышал, как дернулась цепь, но собака лаять не стала. Он вошел, бросив короткий взгляд на лежащую псину, поднялся к входной двери. Постучал. В доме раздались шаги, и дверь открыла девушка.

– Илья? – удивилась она. – Я не думала, что ты сам придешь, – проговорила растерянно, стараясь собрать распушенные волосы.

Мужчина улыбнулся.

– Вчера ты обещала мне показать здесь все. Я решил, что не стоит откладывать экскурсию.

– Да, помню. – Девушка замялась. – Ты извини у нас гости, отец пригласил новых постояльцев. Бородатые такие в свитерах, и с большими рюкзаками.

Илья огляделся, улицы были пусты, словно они с Дарьей были единственными людьми. Лишь пара куриц топталось возле одного забора, копаясь в траве.

– Вот и отлично. Пока родители будут заняты, ты мне окрестности покажешь, – улыбнулся как можно искреннее.

Видно, что девушка боролась с собой, решая, что делать, наконец, согласно кивнула.

– Я гулять, – бросила вглубь дома и, подхватив Илью под руку, потянула его вниз. – Быстрее, пока мои не увидели, что я с тобой.

Они вышли за калитку и тут же направились в поле. Дарья вела его подальше от людей, словно боялась, что их заметят вместе. Пока они шли, она заплела волосы в косу, а теперь сорвала травинку и неспеша размахивала ею.

– А ты знаменитостей когда-нибудь видел? – спросила она неожиданно.

– Некоторых, – рассеянно ответил Илья, поглядывая по сторонам.

– А кого? К нам в город как-то приезжала певица одна, так ДК еле всех вместил, – девушка произнесла хвастливо: – А мне удалось у нее автограф взять, теперь дома его храню. У меня коробочка специальная, где я... Тебе не интересно, да? Наверное, думаешь, что это дурочка себе придумала?

Аверин внимательно посмотрел на Дашу, по ее лицу пробежали две дорожки слез.

– А я вот стану знаменитой и всем вам покажу. И родителям, и друзьям, и тебе покажу, что я не пустышка!

– Я не говорил, что ты пустышка, – спокойно произнес мужчина. – Если хочешь чего-то добиться, добивайся. Только поверь – слезы не помогут, – он достал из кармана платок, протянул собеседнице.

Дарья взяла его, отвернулась. Илья оглянулся, у него было такое чувство, что за ними следят, но люди были далеко. Они находились среди высокой травы одни и все же... кто-то за ними наблюдает.

– Успокоилась? – Аверин приобнял девушку за плечи. – Ты знаешь, у кого новые гости остановились?

Даша взглянула на него красными глазами, дотронулась до руки, что обнимала ее.

– Все думают, что я не смогу, стать знаменитой, а ты веришь, – тепло улыбнулась. – Ты один веришь.

Аверин легко похлопал ее по плечу, всматриваясь в заросли травы. Ему показалось, что там движется кто-то.

– А ты красивый, Илья.

– Что?

Илья Степанович повернулся и в этот момент в его губы впились мягкие девичьи губы. Он опешил на секунду, расширившимися глазами смотря на Дарью. На лице девушки была написана упоенность и любовь. Трава недалеко от них разошлась в стороны и... Илья облегченно выдохнул, когда из нее выскочил испуганный заяц. Аверин положил руки на хрупкие плечи девушки, мягко, прерывая поцелуй, отстранился. Даша открыла глаза, сморщилась.

– Тебе не понравилось?

– Понравилось, – не стал врать Илья.

– Разве ты меня не хочешь? – девушка отстранилась, соблазнительно провела руками по груди, опустилась к бедрам.

Аверин мысленно вздохнул, «дурочка, разве она не понимает, что он не станет ее билетом в большую жизнь?». По лицу Дарьи было понятно, что именно так она и думает.

– Не думай, что если я из деревни, то ничего не могу. У меня уже был первый раз, – похвасталась девушка, развязывая ремешок платья.

Вдалеке промычала корова, ветер донес веселый ребячий гомон. Они с Дашей были далеко от людей и близко от леса. Хотя сейчас день, и особи не проявят себя раньше ночи, все же он рисковал, соглашаясь, с тем, что в нижнем белье девушка смотрится сексуально.

Полчаса спустя, Аверин застегивал брюки, не забывая смотреть по сторонам. Утомленная и разнеженная Даша лежала на примятой траве, тяжелая грудь разошлась в стороны и часто вздымалась. Коса, за которую он ее держал, распустилась, светлым веером переплетаясь с травинками.

– Это было чудесно. Лучше чем в мой первый раз, – промурлыкала девушка и поднялась на локтях. – Ты зверь, Илья, – посмотрела на наливающийся синевой синяк на руке. – Что я своим скажу?

– Скажешь, что ударилась, – мужчина застегнул рубашку, поправил расстегнувшиеся часы. – Ты так и не сказала, где остановились бородастые.

Девушка легла на траву, положив руки за голову, раздвинула ноги с темным треугольником посередине.

– У Иваныча двое, да и тетки Матвеевны один, у нас еще пара и... И все.

– Их шестеро должно быть.

Даша пожала плечами.

– Не знаю. Может и шесть. А тебе-то с них чего?

– Да так... любопытно.

Илья Степанович протянул руку.

– Вставай, мне возвращаться надо, дел еще много.

Девушка легко вспорхнула, держась за его руку, прильнула всем телом.

– Может еще раз хочешь – я не против? – соблазнительно улыбнулась она.

Аверин отстранился, посмотрел на нее сухо.

– Нет. Не сейчас.

Дарья обиженно надула губки, но настаивать не стала. Быстро оделась, заплела волосы в косу и всю оставшуюся дорогу, нежно обнимая Илью за руку, рассказывала, как она станет знаменитой, когда приедет в Москву. Мужчина рассеяно поддакивал, еще раз запоминая расположения домов, где поселились особи.

Возле своего дома Даша быстро поцеловала его в щеку, пообещала еще раз «показать все» и убежала в дом. На участке Аверин заметил двух бородачей: они стояли возле корыта

с водой и умывались. Высокие, с покатыми плечами и длинными руками, они были покрыты волосами так густо, что казалось и не снимали свитеров. Они не заметили Илью.

Уже у себя в комнате, переодевшись в свежую одежду, он лежал на диване, пытаясь составить план действий. Конечно, можно было вызвать бригаду и они бы тут все зачистили – абсолютно все. Однако он не хотел прибегать к крайним мерам, рассчитывая справиться своими силами. Особей всего шесть и пусть они знают кто он, но им тоже придется быть осторожными, если не хотят чтобы люди узнали кто они на самом деле. Надо их выманить в поле или лес, там-то он сможет без труда расправиться с ними. Илья нащупал рукой пистолет в диване, скосил глаза на фотографию с пустыней Гоби, за которой находился тайник – оружия предостаточно.

Ночь. Тихая спокойная летняя ночь. Светит яркая луна, такая большая, будто решила спуститься поближе, чтобы рассмотреть спящих людей. Легкий ветер сонно колышет верхушки трав, слегка касаясь цветов. Темная масса леса стоит особняком, словно возвышаясь над этим миром и давя своей черной массой.

Крылья носа затрепетали, почуяв близкий запах еды. В темноте сверкнули две пары желтых глаз. Волки стояли на задних лапах, прислонившись к деревьям. Длинные когти нетерпеливо царапали кору, оставляя на ней глубокие следы. Хищники ждали: полчаса назад погасло последнее окно в доме, надо чтобы люди успели заснуть. Большой волк со шрамом на носу, посмотрел на второго, коротко кивнул и они, пригибаясь, побежали через поле к деревне – стремительные, сильные, высокие. Возле первого дома остановились, прислушались к темноте – дома мирно спали. Хищники втянули воздух, широкие грудные клетки разошлись в стороны. Тот, что со шрамом улыбнулся, обнажая усыпанную клыками пасть, и указал на невысокий забор, за которым виднелась кабина трактора.

«Жертва, – мысленно проговорил он. – Тихо. Никто знать нельзя», – и побежал к забору, не останавливаясь, перескочил его. Второй волк последовал за собратом. Спрятавшись в тени, они прислушивались, знали, что в деревне есть собака, однако та молчала. Двухэтажный дом, со слегка покосившейся крышей взирал на ночных гостей черными проемами закрытых окон, но на втором этаже окно было распахнуто. Волки улыбнулись: «Жертва. Тихо», – повторил хищник со шрамом на носу и встал под открытым окном, упершись передними лапами в стену. Второй взобрался к нему на спину, оттолкнулся сильными ногами и, подпрыгнув, зацепился за край распахнутого окна. Первый хищник, огляделся на последок, подпрыгнул, ухватился за свисающие лапы и быстро вскарабкался в дом. Присев в тени, дернул длинными ушами, вслушиваясь в мирное сопение гостей и пьяный храп хозяина дома.

Осторожно ступая, они приоткрыли дверь хозяйской спальни. Иваныч всхрапнул, перевернулся на другой бок, скрипнув старой кроватью, и захрапел с новой силой. Волки при этом замерли, всматриваясь в темноту комнаты. На полу лежала бутылка водки, выпавшая из ослабевших пальцев, там же стояла скудная закуска. Зверь со шрамом вошел в комнату, стараясь не наступить на посуду, чтобы никого не разбудить. Наклонился над кроватью. Иваныч вновь всхрапнул, открыл затуманенные алкоголем глаза и тупо уставился на хищника.

– Буш пить?

Волк обнажил клыки и угрожающе прорычал.

– Как хош, – безразлично ответил старик, не сразу сфокусировал взгляд на бутылке на полу, потянулся к ней.

Хищник не стал дожидаться, пока Иваныч разбудит весь дом. Он вгрызся ему в шею, перекусывая позвонки. Длинные когти впились под ребра, пошли вверх, ломая их. Старик даже шелохнуться не успел, как был мертв. Волк опрокинул его на спину, быстро вскрыл грудную клетку, вырвал сердце и жадно съел его. Вытерев лапы о кровать и тихо вышел. Второй волк, что ждал его, указал на лестницу, ведущую вниз. «Другие». Зверь со шрамом покачал массивной головой. «Нельзя», – и хищник улыбнулся. Выскочив из дома, они распределились: один подскочил к трактору, второй бросился через всю деревню к стоящей возле дома с крас-

ными наличниками, машине. Сейчас их главной задачей было обездвижить жертвы, чтобы они не смогли скрыться. Добравшись до проводов, они вырвали их, порвали и раскидали по сторонам. Хищники собрались на краю деревни, вскинули морды к полной луне и ночь прорезал жуткий вой, от которого собака Жулька затряслась у себя в будке и вжалась в угол с такой силой, что доски в том месте закрипели.

* * *

Сквозь сон Илья слышал крики людей, рев животных, топот ног и выстрелы, от которых он резко проснулся, мгновенно выхватил пистолет из дивана и направил на входную дверь. Деревня не спала: крики ужаса и страха носились по ней, порой перекрываемые диким воем. Аверин вскочил с дивана, быстро надел брюки, ботинки и, осторожно приоткрыв дверь, выглянул в коридор и прислушался. Дом молчал, хотя внизу должны быть Венера Григорьевна и Михаил, который все же пришел вечером, как и обещал. Илья Степанович поморщился, вспомнив, что из-за этого он даже на ужин не пошел – еще раз встречаться с особью ему не хотелось. На улице раздались очередные выстрелы, волчий вой и крик ужаса, переходящий в предсмертный хрип. Илья подошел к тайнику, сбросил картину, достал второй пистолет и засунул патроны в карманы.

– Рано они начали, – проговорил сухо и вышел из комнаты, закрыв ее на ключ.

Стараясь не скрипеть ступеньками на лестнице, спустился на первый этаж, держа пистолет перед собой. Быстро осмотревшись, он понял, что в доме никого нет.

– Куда же ты делся, Михаил? Что затеял со своей группой?

Выйдя на улицу, он увидел как из-под крыши одного из домов валом идет дым и прорываются языки пламени. По улице бегают встревоженные мужчины и женщины, испуганно кричат дети. Оглядываясь, он приблизился к забору и увидел, что джип раскурочен.

– Машину-то зачем? Неделью назад купил – звери.

Мимо пробежали люди, на окраине слышались вой и хищный рев, по дворам мелькали неясные тени, которые вряд ли могли принадлежать людям. Несмотря на то, что деревня была небольшая, крику, шуму, суматохи было столько, будто сюда разом приехало полгорода.

– Петрович, они на околицу двинулись!

– Да вашу богу душу мать, кто это?!

– Мама!

– Матвеевна, ты их видела?!

– Иванаыча порвали на куски!

– Кириловы мертвы! Все!

– Стреляй, Петрович!

– В кого?!.. Я ничего не вижу!

Со стороны поля раздался удаляющийся вой.

– Уходят. В лес уходят. – Илья бросился к полю, где уже толпилось несколько человек. В основном мужики с ружьями, и несколько заплаканных женщин. Среди них Аверин не увидел ни одного бородача – конечно, они сейчас в другом месте.

– Что происходит? – подбежал он к народу.

Все разом обернулись, в его сторону уставились темные дула стволов и испуганные глаза.

– Ты где был, городской, когда тут бойня началась? – спросил тяжелый мужчина с «е-жиком» волос и лохматой бородой.

Илья Степанович поднял руки, отступил на пару шагов.

– Я вам не враг. Опустите оружие.

За спиной разлилось зарево, освещая лица присутствующих – огонь полностью захватил дом, и теперь жадно пожирал его.

– Горим! – взвизгнула полная женщина и бросилась куда-то. За ней последовали остальные бабы, а вот мужчины остались, не опуская оружия.

– Ты не ответил?

Аверин тяжело вздохнул, начал быстро объяснять:

– Я спал, когда услышал шум. Выскочил на улицу, увидел, что тут творится и попытался помочь. Думаете, почему у меня в руках пистолет?

– Иван, забери как у нашего гостя оружие, пока он им не поранился, – произнес мужчина с лохматой бородой, не сводя с Ильи пристального взгляда.

– Не думаю, что это хорошая идея...

– А ты не думать должен, а отдать пистолет, иначе Петрович тебе бошку отстрелит, – прервал его парень лет двадцати пяти, подходя вплотную.

– Вы что думаете, это я виноват, что здесь такое творится? Тут и до меня были трупы...

– Животных. Они трогали только животных, но стоило тебе приехать, – зло оскалился мужик в полосатой майке и ткнул в Аверина стволом ружья.

Иван забрал у Ильи оружие, обыскал карманы.

– Разве я один сюда приехал? Как же ваши новые постояльцы? Это они вчера утром приехали, а ночью вас начали убивать. Где они, а?! Где ваши гости, куда они подевались?! – Илья старался говорить спокойно, но под конец сорвался на крик.

Петрович ухмыльнулся.

– Они предупреждали, что ты будешь пытаться свалить всю вину на них. Они сказали, что пришли за тобой и что ты не человек.

Илья ошарашено смотрел на этих людей. Неужели они настолько тупые, что не понимаю, как их обманывают? Нельзя же быть настолько доверчивыми, чтобы поверить первым встречным.

– Убийц было двое, – произнес тихо, но вновь сорвался на крик: – а я здесь один! Это все они!

– Они? – раздался спокойный голос и из темноты вышли пятеро бородатых мужчин в свитерах. – Ты говоришь «они», а у самого кровь на клыках не остыла.

– Михаил, – Илья холодно посмотрел на мужчину. – Думаешь, твои рассказы помогут тебе?

– Уже помогли, – улыбнулся тот и поднял руку. – Вот кто на вас напал!

В свете пожара он держал отрубленную массивную голову с длинными клыками и вывалившимся языком. Мужики разом охнули, кто-то перекрестился, и в следующую секунду на Илью навалилось несколько человек. Его повалили, несколько раз ударили в лицо, скрутили руки и вновь поставили на ноги.

– Это оборотень – человек, который превращается в чудовище, чтобы пожирать других.

Михаил отбросил мертвую голову в сторону, вытер руки о штаны и подошел к нему.

– Что теперь скажешь, зверь – теперь некуда бежать?

– Сам ты зверь, – оскалился Аверин, разбитыми губами. – Вы посмотрите – их же пятеро, а должно быть шесть. Не будьте такими тупыми, они же специально убили одного из своих, чтобы свалить все на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.